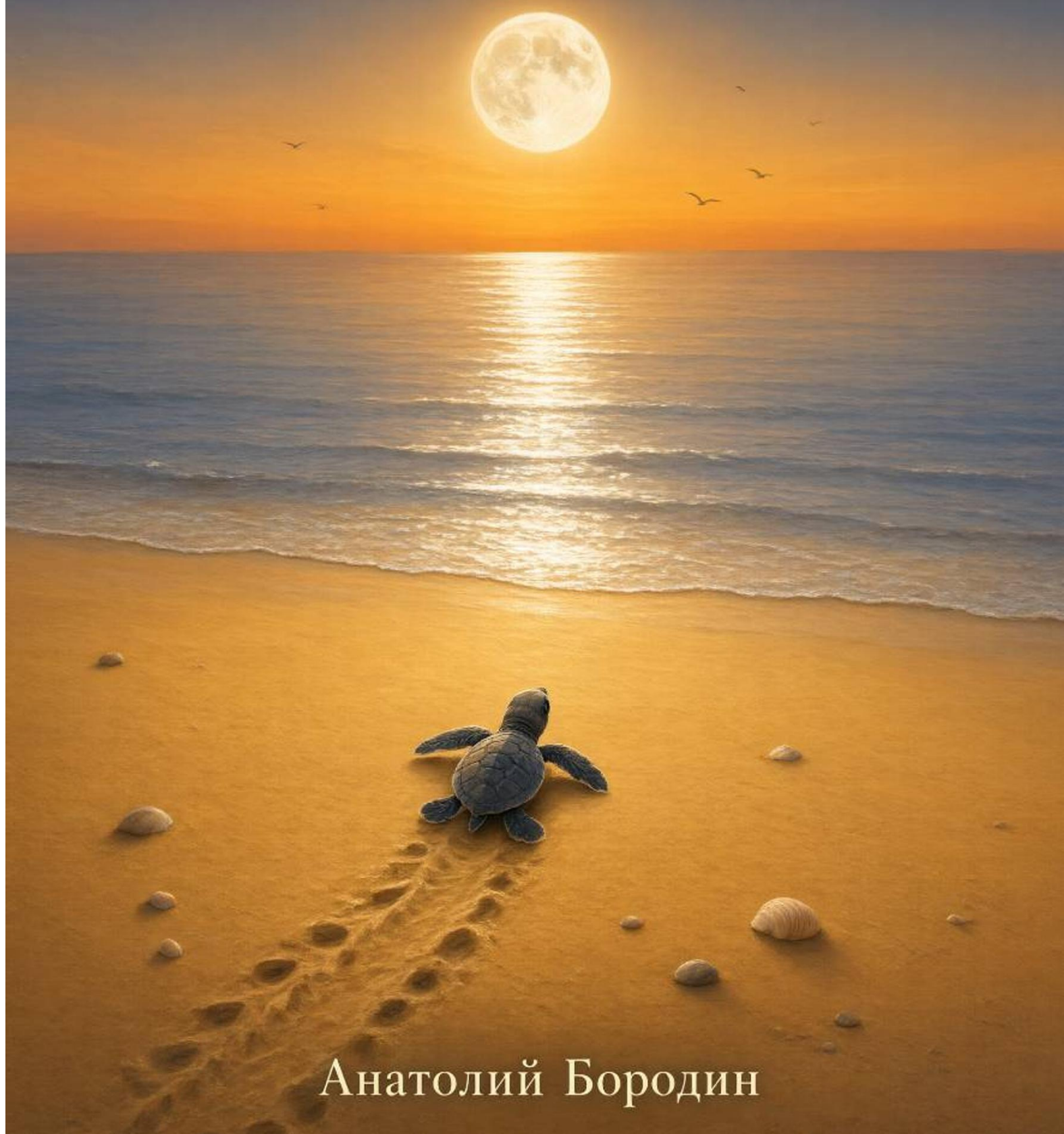

РОДИТЬСЯ СВОБОДНЫМ

Анатолий Бородин

Анатолий Бородин

Родиться свободным

«Автор»

2026

Бородин А.

Родиться свободным / А. Бородин — «Автор», 2026

«Родиться свободным» — это не трактат, а размышления о том, можно ли быть свободным, если всю свою жизнь слышишь слово «должен»? Можно ли жить без смысла и не сойти с ума? Можно ли не оставить след в истории и не чувствовать вины? Можно ли просто жить — без цели, без миссии, без предназначения? Что, если Маугли никогда не был свободен? Что, если Тарзан сидел в клетке из лиан и называл её домом? Что, если Робинзон Крузо — не символ свободы, а узник без стен, запертый на острове посреди бесконечного океана? Что, если свобода — это не отсутствие цепей, а способность увидеть их и сказать: «Да, они есть. Я знаю. И я продолжаю жить»?

© Бородин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛЯЖ	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Анатолий Бородин

Родиться свободным

Родился свободным, попил молока
И больше свободы не знал никогда?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛЯЖ

Глава 1

Ночь на тропическом пляже была густой, как тёплое молоко. Луна висела низко, тяжёлая, оранжевая, и казалось, что она вот-вот упадёт в океан и зашипит, раскалённый камень в холодной воде. Но она не падала. Она висела — терпеливо, равнодушно — и смотрела на песок, где происходило чудо, которое никто не видел и не должен был видеть.

Из песка, из тёплой, влажной глубины, где два месяца назад мать отложила яйца и ушла навсегда, появилась маленькая голова. Затем — лапки, крошечные, с перепонками между пальцами. Затем — панцирь, мягкий ещё, не окрепший, цвета мокрой глины. Маленькая черепашка выбралась из яйца, а затем из песка, и впервые в своей жизни вдохнула воздух.

Она не знала, что она черепашка. Она не знала, что такое океан, что такое луна, что такое страх. Она не знала, что где-то вдали, за горизонтом, существуют существа, которые называют себя людьми и которые придумали слово «свобода», чтобы потом всю жизнь спорить о его значении. Она не знала ничего. И в этом незнании было нечто абсолютное, нечто такое, чего человек не может достичь никогда, потому что человек рождается уже внутри знания — внутри чужого, навязанного, унаследованного знания.

Черепашка повернула голову к океану. Она не знала, почему именно туда. Никто ей не говорил. Никто не показывал направление. Не было матери, которая бы сказала: «Иди туда, малыш, там вода, там жизнь, там ты будешь в безопасности». Не было учителя, который бы объяснил: «Запомни: океан находится на востоке, тебе нужно ползти на восток, иначе ты погибнешь». Не было государства, которое бы выдало ей направление, путёвку, предписание. Не было школы, где она провела бы одиннадцать лет, изучая теорию ползания к океану, прежде чем ей разрешили бы ползти.

Она просто поползла.

И в этом было всё. В этом простом, бессознательном, инстинктивном движении была та самая свобода, о которой люди пишут трактаты, ради которой устраивают революции, за которую умирают и которую, в конечном счёте, так и не обретают. Черепашка была свободна не потому, что она осознавала свою свободу. Она была свободна потому, что не знала иного. Не было цепей, от которых нужно было освобождаться. Не было клетки, из которой нужно было бежать. Не было стен, которые нужно было разрушить. Был только песок, луна, инстинкт и океан.

Человек смотрит на эту черепашку и говорит: «Вот она. Вот истинная свобода». И в его голосе — тоска. Глубокая, древняя, неизлечимая тоска по тому состоянию, которого у него никогда не было и не будет. Потому что человек не рождается на пустом пляже. Человек рождается в комнате. В палате. В здании. В городе. В стране. В системе. В языке. В истории. В чужих ожиданиях. Человек рождается уже должным — должным дышать правильно, кричать правильно, расти правильно, жить правильно. И первое, что он чувствует, выходя из материнского тела, — это холод. Не холод океана, не холод ночного воздуха над пляжем. А холод чужих рук, чужого света, чужого голоса, который говорит: «Мальчик. Три килограмма двести граммов. Всё в норме».

Всё в норме. С этого момента и навсегда. Всё должно быть в норме.

Глава 2

Я лежал в темноте и думал о черепашках. За окном шумел город — не тропический, не океанский, а обычный, серый, бетонный город, где миллионы людей просыпались по будильнику, чтобы идти туда, куда им было предписано идти. Шумели машины. Гудел трансформатор в подвале. Кто-то на пятом этаже включил телевизор, и сквозь стену доносился глухой, неразборчивый голос — голос ведущего, который сообщал новости, то есть рассказывал миллионам людей о том, что произошло в мире, пока они спали, и о чём им надлежало думать сегодня.

Я думал о свободе. Не о той свободе, о которой пишут в конституциях. Не о той, которую обещают на выборах. Не о той, которую провозглашают в манифестах. Я думал о свободе первичной, изначальной, той, которая должна бы принадлежать каждому по праву рождения. Той, которую черепашка обретает в момент, когда её голова появляется из песка.

«Родиться свободным», — подумал я. И тут же усмехнулся. Потому что понял: это невозможно. Невозможно для человека. Черепашка может родиться свободной, потому что ей не нужна мать. Ей не нужен никто. Ей нужен только инстинкт и океан. А человеку?

А человеку нужна мать.

Это первое и главное, что разрушает саму идею свободы при рождении. Ребёнок не может выжить без матери. Девять месяцев он живёт внутри неё, питается и дышит от неё, слышит биение её сердца. И когда он выходит наружу, он не становится свободным. Он становится зависимым. Абсолютно, тотально, безоговорочно зависимым. Ему нужна грудь, тепло, руки, голос, забота, защита и внимание каждый день и час. Без всего этого он умрёт. Не через месяц, не через неделю, а всего через несколько часов.

Черепашка не умрёт без матери. Она умрёт без океана, если не доползёт до воды. Но это другой вид смерти — смерть от внешнего обстоятельства, от хищника, от солнца, от обезвоживания. Это не смерть от отсутствия другого существа. Черепашка не умирает от одиночества. А человек умирает.

Младенец умирает от отсутствия прикосновения. Это доказано, это известно, это записано в медицинских справочниках. В детских домах, где детей кормят, но не берут на руки, они умирают. Не от голода. Не от болезни. От отсутствия контакта. От того, что никто не прижал их к себе и не сказал: «Ты здесь. Ты не один. Ты нужен».

И вот тебе первое звено цепи. Не кандалы, не тюрьма, не приказ командира. Просто тёплые руки и вкус молока матери. И ты уже не свободен, ты привязан, ты зависим, ты должен. Не в юридическом смысле, не в социальном, а в самом глубоком, самом биологическом, самом неоспоримом смысле. Ты должен быть рядом с тем, кто даёт тебе жизнь. Ты должен любить того, кто тебя кормит. Ты должен бояться потерять того, кто тебя защищает.

И это не рабство. Это любовь. И в этом вся трагедия, потому что рабство можно свергнуть, а любовь — нет. От рабства можно освободиться, а от любви — только умереть. И вот ты стоишь, маленький, голый, беспомощный, и любишь свою мать, и эта любовь делает тебя несвободным навсегда. Навсегда. Потому что даже когда мать умрёт, ты будешь нести в себе эту любовь, эту привязанность, этот долг, который никто тебе не выписывал, но который ты никогда не сможешь вернуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.